

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов
Неприятная история

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176274

Содержание

Антон Павлович Чехов

Неприятная история

– У тебя, извозчик, сердце вымазано дегтем. Ты, братец, никогда не был влюблен, а потому тебе не понять моей психики. Этому дождю не потушить пожара души моей, как пожарной команде не потушить солнца. Чёрт возьми, как я поэтически выражаюсь! Ведь ты, извозчик, не поэт?

– Никак нет.

– Ну вот видишь ли...

Жирков нащупал наконец у себя в кармане портмоне и стал расплачиваться.

– Договорились мы с тобой, друже, за рубль с четвертаком. Получай гонорарий. Вот тебе руб, вот три гривенника. Пятачек прибавки. Прощай и помни обо мне. Впрочем, сначала снеси эту корзину и поставь на крыльцо. Поосторожней, в корзине бальное платье женщины, которую я люблю больше жизни.

Извозчик вздохнул и неохотно слез с козел. Балансируя в потемках и шлепая по грязи, он дотащил корзину до крыльца и опустил ее на ступени.

– Ну, пого-ода! – проворчал он укоризненно и, крикнув со вздохом, издав носом всхлипывающий звук, неохотно взобрался на козла.

Он чмокнул губами, и лошаденка его нерешительно за-

шлепала по грязи.

– Кажется, со мною всё, что нужно, – рассуждал Жирков, шаря рукой по косяку и ища звонка. – Надя просила заехать к модистке и взять платье – есть, просила конфет и сыру – есть, букет – есть. «Привет тебе, приют священный...» – запел он. – Но где же, чёрт возьми, звонок?

Жирков находился в благодушном состоянии человека, который недавно поужинал, хорошо выпил и отлично знает, что завтра ему не нужно рано вставать. К тому же после полуторачасовой езды из города по грязи и под дождем его ожидали тепло и молодая женщина... Приятно озябнуть и промокнуть, если знаешь, что сейчас согреешься.

Жирков поймал в потемках шишечку звонка и дернул два раза. За дверью послышались шаги.

– Это вы, Дмитрий Григорич? – спросил женский шёпот.

– Я, восхитительная Дуняша! – ответил Жирков. – Откройте скорее, а то я промокаю до костей.

– Ах, боже мой! – зашептала встревоженно Дуняша, отворяя дверь. – Не говорите так громко и не стучите ногами. Ведь барин из Парижа приехал! Нынче под вечер вернулся!

При слове «барин» Жирков сделал шаг назад от двери, и им на мгновение овладел малодушный, чисто мальчишеский страх, какой испытывают даже очень храбрые люди, когда неожиданно наталкиваются на возможность встречи с мужем.

«Вот-те клюква! – подумал он, прислушиваясь, с какой

осторожностью Дуняша запирала дверь и уходила назад по коридорчику. – Что же это такое? Это значит – поворачивай назад оглобли? Мерси, не ожидал!» И ему стало вдруг смешно и весело. Его поездка к ней из города на дачу, в глубокую ночь и под проливным дождем, казалась ему забавным приключением; теперь же, когда он нарвался на мужа, это приключение стало казаться ему еще курьезнее.

– Презанимательная история, ей-богу! – сказал он себе вслух. – Куда же я теперь денусь? Назад ехать?

Шел дождь, и от сильного ветра шумели деревья, но в потемках не видно было ни дождя, ни деревьев. Точно посмеиваясь и ехидно поддразнивая, в канавках и в водосточных трубах журчала вода. Крыльцо, на котором стоял Жирков, не имело навеса, так что тот в самом деле стал промокать.

«И как нарочно принесло его именно в такую погоду, – думал он, смеясь. – Черт бы побрал всех мужей!»

С Надеждой Осиповной начался у него роман месяц тому назад, но мужа ее он еще не знал. Ему было только известно, что муж ее родом француз, фамилия его Буазо и что занимается он комиссионерством. Судя по фотографии, которую видел Жирков, это был дюжинный буржуа лет сорока, с уса-той, франко-солдатской рожей, глядя на которую почему-то так и хочется потрепать за усы и за бородку a la Napoleon и спросить: «Ну, что новенького, г. сержант?»

Шлепая по жидкой грязи и спотыкаясь, Жирков отошел несколько в сторону и крикнул:

– Извозчик! Изво-зчик!!!

Ответа не последовало.

– Ни гласа, ни воздыхания, – проворчал Жирков, возвращаясь ощупью к крыльцу. – Своего извозчика услали, а тут и днем-то извозчиков не найдешь. Ну, положение! Придется до утра ждать! Чёрт подери, корзина промокнет и платье изгадится. Двести рублей стоит... Ну, положение!

Раздумывая, куда бы спрятаться с корзиной от дождя, Жирков вспомнил, что на краю дачного поселка у танцевального круга есть будка для музыкантов.

– Нешто пойти в будку? – спросил он себя. – Идея! Но дотащу ли я корзину? Громоздкая, проклятая... Сыр и букет можно к чёрту.

Он поднял корзину, по тотчас же вспомнил, что, пока он дойдет до будки, корзина успеет промокнуть пять раз.

– Ну, задача! – засмеялся он. – Батюшки, вода за шею потекла! Бррр... Промок, озяб, пьян, извозчика нет... не достает только, чтобы муж выскочил на улицу и отколотил меня палкой. Но что же, однако, делать? Нельзя тут до утра стоять, да и к чёрту платье пропадет... Вот что... Я позвоню еще раз и сдам Дуняше вещи, а сам пойду в будку.

Жирков осторожно позвонил. Через минуту за дверью слышались шаги и в замочной скважине мелькнул свет.

– Кто издесь? – спросил хриплый мужской голос с нерусским акцентом.

«Батюшки, должно быть, муж, – подумал Жирков. – Надо

соврать что-нибудь...»

– Послушайте, – спросил он, – это дача Злючкина?

– Чегт возми, никакой Злюшкин издесь нет. Убигайтесь к чегту з вашей Злюшкин!

Жирков почему-то сконфузился, виновато кашлянул и отошел от крыльца. Наступив в лужу и набрав в калошу, он сердито плюнул, но тотчас же опять засмеялся. Приключение его с каждой минутой становилось всё курьезнее и курьезнее. Он с особенным удовольствием думал о том, как завтра он будет описывать приятелям и самой Наде свое приключение, как передразнит голос мужа и всхлипыванье калош... Приятели, наверное, будут рвать животы от смеха.

«Одно только подло: платье промокнет! – думал он. – Не будь этого платья, я давно бы уже в будке спал».

Он сел на корзину, чтобы заслонить ее собою от дождя, но с его промокнувшей крылатки и со шляпы потекло сильнее, чем с неба.

– Тьфу, чтоб тебя чёрт взял!

Простояв полчаса на дожде, Жирков вспомнил о своем здоровье.

«Этак, чего доброго, горячку схватишь, – подумал он. – Удивительное положение! Нешто еще раз позвонить? А? Честное слово, позвоню... Если муж отворит, то совру что-нибудь и отдам ему платье... Не до утра же мне здесь сидеть! Э, была не была! Звони!»

В школьническом задоре, показывая двери и потемкам

язык. Жирков дернул за шишечку. Прошла минута в молчании; он еще раз дернул.

– Кто издесь? – спросил сердитый голос с акцентом.

– Здесь т-те Буазо живет? – спросил почтительно Жирков.

– А-а? Какому чегту вам надо?

– Модистка т-те Катишь прислала г-же Буазо платье. Извините, что так поздно. Дело в том, что г-жа Буазо просила прислать платье как можно скорее... к утру... Я выехал из города вечером, но... погода отвратительная... едва доехал... Я не...

Жирков не договорил, потому что перед ним отворилась дверь и на пороге, при колеблющемся свете лампочки, предстал перед ним т-г Буазо, точно такой же, как и на карточке, с солдатской рожей и с длинными усами; впрочем, на карточке он был изображен франтом, теперь же стоял в одной сорочке.

– Я не стал бы вас беспокоить, – продолжал Жирков, – но т-те Буазо просила прислать платье как можно скорее. Я брат т-те Катишь... и... и к тому же погода отвратительная.

– Карьошо, – сказал Буазо, угрюмо двигая бровями и принимая корзину. – Блягодарите ваш сестра. Моя жена сегодня до первой час ждала платье. Ей обещал привезти его какой-то мусье.

– Также вот потрудитесь передать сыр и букет, которые ваша супруга забыла у т-те Катишь.

Буазо принял сыр и букет, понюхал то и другое и, не запирая двери, остановился в ожидательной позе. Он глядел на Жиркова, а Жирков на него. Прошла минута в молчании. Жирков вспомнил своих приятелей, которым будет завтра рассказывать о своем приключении, и ему захотелось в довершение курьеза устроить какую-нибудь штуку посмешнее. Но штука не придумывалась, а француз стоял и ждал, когда он уйдет.

– Ужасная погода, – пробормотал Жирков. – Темно, грязно и мокро. Я весь промок.

– Да, monsieur, вы завсем мокрый.

– И к тому же мой извозчик уехал. Не знаю, куда деваться. Вы были бы очень любезны, если бы позволили мне побыть здесь в сенях, пока пройдет дождь.

– А? Bien,¹ monsieur. Вы снимайте калоши и идите сюда. Это ничво, можно.

Француз запер дверь и ввел Жиркова в маленькую, очень знакомую залу. В зале было всё по-старому, только на столе стояла бутылка с красным вином и на стульях, поставленных в ряд среди залы, лежал узенький, тощенький матрасик.

– Холодно, – сказал Буазо, ставя на стол лампу. – Я только вчера приехал из Париж. Везде карьошо, тепло, а тут в Расея холод и эти кумыри... крамори... les cousins.² Проклятый кузаются.

¹ хорошо (франц.)

² комары (франц.).

Буазо налил полстакана вина, сделал очень сердитое лицо и выпил.

– Всю ночь не спал, – сказал он, садясь на матрасик. – Les cousins и какой-то скотин всё звонит, спрашивает Злюшкин.

И француз умолк и поник головою, вероятно, в ожидании, когда пройдет дождь. Жирков почел долгом приличия поговорить с ним.

– Вы, значит, были в Париже в очень интересное время, – сказал он. – При вас Буланже в отставку вышел.

Далее Жирков поговорил про Греви, Деруледа, Зола, и мог убедиться, что эти имена француз слышал от него только впервые. В Париже он знал только несколько торговых фирм и свою tante³ m-me Blesser и больше никого. Разговор о политике и литературе кончился тем, что Буазо еще раз сделал сердитое лицо, выпил вина и разлегся во всю свою длину на тощеньком матрасике.

«Ну, права этого супруга, вероятно, не особенно широки, – думал Жирков. – Чёрт знает что за матрац!»

Француз закрыл глаза; пролежав покойно с четверть часа, он вдруг вскочил и тупо, точно ничего не понимая, уставился своими оловянными глазами на гостя, потом сделал сердитое лицо и выпил вина.

– Проклятый кумари, – проворчал они, потеряв одной шершавой ногой о другую, вышел в соседнюю комнату.

Жирков слышал, как он разбудил кого-то и сказал:

³ тетку (франц.).

– Il y a un monsieur roux, qui t'a apporté une robe.⁴

Скоро он вернулся и еще раз приложился к бутылке.

– Сейшпац жена выйдег, – сказал он, зевая. – Я понимаю, вам деньги нужно?

«Час от часу не легче, – думал Жирков. – Прекуръезно! Сейчас выйдег Надежда Осиповна. Конечно, сделаю вид, что не знаю ее».

Послышалось шуршание юбок, отворилась слегка дверь, и Жирков увидел знакомую кудрявую головку с заспанными щеками и глазами.

– Кто от m-me Катишь? – спросила Надежда Осиповна, но тотчас же, узнав Жиркова, вскрикнула, засмеялась и вошла в залу. – Это ты? – спросила она. – Что это за комедия? Да откуда ты такой грязный?

Жирков покраснел, сделал строгие глаза и, решительно не зная, как держать себя, покосился на Буазо.

– Ах, понимаю! – догадалась барыня. – Ты, вероятно, Жак испугался? Забыла я предупредить Дуняшу... Вы знакомы? Это мой муж Жак, а это Степан Андреич... Платье привез? Ну, мерсі, друг... Пойдем же, а то я спать хочу. А ты, Жак, спи... – сказала она мужу. – Ты устал в дороге.

Жак удивленно поглядел на Жиркова, пожал плечами и с сердитым лицом направился к бутылке. Жирков тоже пожал плечами и пошел за Надеждой Осиповной.

Он глядел на мутное небо, на грязную дорогу и думал:

⁴ Там рыжий господин принес тебе платье. (франц.)

«Грязно! И куда только не заносит нелегкая интеллигентного человека!»

И он стал думать о том, что нравственно и что безнравственно, о чистом и нечистом. Как часто случается это с людьми, попавшими в нехорошее место, он вспомнил с тоской о своем рабочем кабинете с бумагами на столе, и его потянуло домой.

Он тихо прошел через залу мимо спавшего Жака.

Всю дорогу он молчал, старался не думать о Жаке, который почему-то лез ему в голову, и уж не заговаривал с извозчиком. На душе у него было так же нехорошо, как и на желудке.